

ДЕТСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ДЕТСКИЙ ЮНГИАНСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Дениз Лиар

КОГИТО-ЦЕНТР

Детский психоанализ

Дениз Лиар

Детский юнгианский психоанализ

«Когито-Центр»

1998

УДК 159.9
ББК 88

Лиар Д.

Детский юнгианский психоанализ / Д. Лиар — «Когито-Центр»,
1998 — (Детский психоанализ)

ISBN 978-5-89353-205-0

Автор книги, Дениз Лиар, на основе своего богатого опыта работы с детьми заставляет нас по-новому взглянуть на психическое здоровье ребенка, на реальный смысл его функции воображения. Ребенок естественно живет в мире мифов и игры, в своем персональном воображении, которое выражает его истинную природу. Но ему нужно быть бдительным и осторожным, потому что существует опасность спутать мир своих фантазий с реальной жизнью, перенести этот мир на реальных персонажей и отношения с ними, что может явиться причиной конфликтов и неврозов, детских психозов, где «продукции» бессознательного поглощают субъекта. Эта книга восполняет очевидный пробел в литературе по детскому психоанализу и может стать настольной книгой детского психоаналитика. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-89353-205-0

© Лиар Д., 1998
© Когито-Центр, 1998

Содержание

Введение	6
Часть первая	8
Глава первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дениз Лиар

Детский юнгианский психоанализ

Denyse Lyard

Les analyses d'enfants

Une clinique jungienne

Albin Michel

Печатается с разрешения издательства Albin Michel.

Перевод – С.А. Бикина, О.Я. Журавлева

© Editions Albin Michel S.A., 1998

© «Когито-Центр», перевод на русский язык, оформление, 2008

Введение

Аналитическая психология и детский анализ должны были пройти длинный путь, прежде чем объединиться. В настоящее время появляется все больше и больше аналитиков, занимающихся детским юнгианским анализом во всех уголках мира. Поначалу, следуя путем психиатра и аналитика их Цюриха Карла Густава Юнга (1875–1961), они ограничивались лишь аналитическим «пониманием», базируясь на воспитательном аспекте и просветительской работе среди родителей, не проводя анализа маленьких пациентов.

Сдержанность и колебания Юнга понятны, если принять во внимание его собственный опыт влияния бессознательного, с которыми он столкнулся ребенком прежде, чем стал способен противостоять этому сознательно. Из его автобиографии «Воспоминания, сновидения, размышления»¹ мы узнаем, что эти ощущения у него появились с четырех лет. Они нашли свое выражение в ужасных нуминозных снах, которые ставили под сомнение жизненные ценности родителей и их ближайшего окружения. Разочарование, так рано появившееся у маленького мальчика, лишило его ощущения безопасности, которое обычно обеспечивают родительские ценности. Именно этот ранний мучительный опыт может объяснить недоверие Юнга ко всему, что может акцентировать бессознательные влияния у ребенка. Он считал, что родители и воспитатели должны помочь ребенку освободиться от этих бессознательных влияний, чтобы он мог построить собственное Я, в дальнейшем способное на конфронтацию. Поэтому анализу ребенка он предпочитал анализ родителей, выстраивая линию поведения воспитателя по отношению к ребенку. Отсюда и родилась семейная психотерапия.

Желая покончить с мифом о том, что якобы Юнг никогда не проявлял интерес к детству и к развитию, я обратилась к его письмам на эту тему. Должна констатировать, что в начале своей карьеры его наблюдения за детьми и его мысли о психологии детей были связаны с изменением его отношения к идеям Фрейда, что подтверждает их переписка 1907–1912 гг.² Этот переломный этап в жизни и творчестве Юнга мы рассмотрим в первой части книги.

Обратимся к понятиям *анализ* и *аналитическое отношение*. Надо дать им определения потому, что их понимание различно у юнгианцев, фрейдистов и лаканистов. В одной из своих лучших книг «Психология переноса»³ Юнг дал определение этих понятий.

Анализ – это сложное переживание в отношениях двух бессознательных и двух сознаний в неравноправной позиции, где аналитик предвосхищает своего анализируемого в осознании происходящего процесса. В этом динамическом поле может появиться множество структур, образующих Я, – тех, которые составляют личное бессознательное, – и организующих структур личности любого человека (сознательное и бессознательное), то есть человеческих схем, которые составляют коллективное бессознательное. Активизация бессознательных содержаний при переносе позволяет анализанду их осознать и противостоять им благодаря отношениям с аналитиком, отношениям, порождающим различие: «Да, это действительно мое, а это мне не принадлежит; я выбираю больше не быть таким». Способ стать самим собой, актуализировать, осуществить реализацию проекта становления себя, своей самости, себя абсолютно целого. Способен ли на это ребенок? Есть ли в нем Я достаточно выстроенное, чтобы пережить противостояние? И особенно важно – имеет ли он возможность войти в отношение со своей самостью? Последняя уже существует?

Первые теории, касающиеся психотерапии и юнгианского психоанализа детей, были созданы благодаря Майклу Фордхаму, лондонскому детскому психиатру и ученику Юнга. Он был вынужден выковать свое собственное оружие в период Второй мировой войны, находясь в изоляции на острове, вдали от учителя, но рядом и в сотрудничестве с аналитиками-фрейдистами, в частности, с Мелани Кляйн.

Хотелось бы заметить, что дети организуют свои отношения с миром, с другими людьми и с самими собой по схемам, в которых главную роль играет тело и бессознательное во взаимодействии с островками Я, которые, хотя и существуют с самого начала, но выстраиваются в целостное Я постепенно. Именно с этой сомато-психической целостностью анализ вступает в отношение, тем самым помогая ребенку развиваться в новом качестве.

Фордхаму принадлежит разработка понятия «первичная Самость»⁴, эта биопсихическая целостность, которую я называю также «центральным организатором». Он описывает модель функционирования, из которой вытекает терапевтическое отношение, так любимое англичанами, и к которой я обращаюсь во второй части моей книги.

Эрих Нойманн, другой юнгианец второго поколения, был аналитиком в Тель-Авиве с 1934 по 1960 годы, он оставил богатое наследие, в котором отразились его разнообразные интересы. В конце жизни Нойманн стремился обозначить структуру и динамику рождающейся личности ребенка. Его подход отличается от подхода Фордхама, он исключительно полезен тем, кто сталкивается с самыми архаичными зонами психики. Еще в своей работе «Происхождение и развитие сознания»⁵, представляющей широкую этно-мифологическую картину, он углубился в изучение Феминности, а в «Великой Матери»⁶, истории Эроса и Психеи⁷, продолжил изучение Феминности в супружестве⁸. В «Ребенке»⁹ он затронул клинический аспект человеческого развития; к сожалению, это произведение осталось незаконченным. Сегодня многие концепции, созданные Нойманном, используются большинством юнгианцев, среди которых – и детские, и взрослые аналитики. Я рассмотрю эти концепции во второй части моей книги, они включают в себя понятия, которые я обычно использую.

Этот краткий исторический экскурс позволяет понять, почему детский психоанализ так поздно нашел свое место в рядах юнгианских обществ аналитической психологии. Его официальное признание произошло на девятом конгрессе международной Ассоциации аналитической психологии, который состоялся в Иерусалиме в 1983 году. С тех пор детские аналитики прокладывают свой путь и помогают аналитикам взрослых найти первопричину конфликта. Я ставлю перед собой такую же цель, обобщая свой клинический опыт в последних частях своей книги.

Часть первая

К.Г. Юнг и ребенок

Глава первая

Диалог с Фрейдом

Читая переписку Фрейда и Юнга (1906–1910), я поняла, какую важную роль в жизни и творчестве Юнга сыграли его встречи с юными пациентами, а также возможность наблюдать за реакциями старшей дочери на появление на свет младшего брата в конце 1908 года. Из этих писем становится ясно, как Юнг меняет свою точку зрения на детство и отношение к детям. Это подтверждается биографией Фрейда, написанной Петером Геєм¹.

Гумберт, точка зрения которого совершенно отличается от моей, в своей книге, посвященной Юнгу², обратил внимание на эту смену взглядов. Им соответствуют, пишет Гумберт, два различных подхода: один, когда наблюдатель психических феноменов работает в лаборатории, и другой, когда он вступает в конфронтацию с бессознательным. С этого момента Юнг нацелен не на выработку психологической теории, а на осознание динамизма опыта, будет ли он интрапсихическим или пережитым в переносе. Это процесс, в котором аналитик является не только наблюдателем, но и активным участником.

Гумберт определяет перелом во взглядах Юнга как следствие его разрыва с Фрейдом и тягот, пережитых с 1912 года, во время одинокого противостояния натиску бессознательных сил.

Мое собственное чтение навело меня на мысль, что этот разрыв был подготовлен уже в 1907 году в связи с расхождением точек зрения не только на психотических больных, но и на детство. Расхождением, в котором чувство (оценочная функция) играло большую роль. Анима – векторная инстанция фемининности у мужчины – обеспечивает зарождение оценочной функции. Конечно, именно отношения с «одаренной пациенткой», в которой биографы хотели бы признать Сабину Шпильрейн, привели Юнга к осознанию существования этой женской составляющей в нем самом. В любом случае, я считаю, что «маленькая Анна», выражаясь высокопарно, была психопомпом для своего отца. Проще говоря, процесс взросления и интеграции сексуальности у девочки, чей отец, отметим это, был ее защитником и гарантом, позволил Юнгу следовать своим путем: настолько взаимодействие было плодотворным.

Я еще вернусь к этому, а теперь передо мной стоит задача дать хронологию работ Юнга о детстве.

С 1900 по 1909 годы, будучи ассистентом Блейлера в цюрихской психиатрической больнице Бургхёльцли, вместе со своими коллегами по работе Юнг проводит важное лабораторное исследование на тему «ассоциации слов». Тогда он занимает позицию психолога и наблюдателя психических феноменов. Это исследование было напечатано во втором томе его «Полного собрания сочинений»³, вышедшего как на немецком, так и на английском языках. Оно привело его к выявлению «аффективной тональности комплексов», которые нарушают ассоциативные цепочки мыслей. «Психология Dementia Praecox»⁴, появившаяся в 1907 году, принесла в психиатрическую клинику новое понимание комплексов, которые введены в употребление с 1885 года Фрейдом и Брейером в «Этюдах истерии».

Две публикации Юнга привлекают внимание Фрейда, который видит в них «научное» подтверждение его теорий (письмо 1F от 11.04.1906). Между ними завязывается оживленная и

очень поучительная переписка, они впервые встречаются в Вене в 1907 году. Со своей стороны, Юнг был очарован «Этюдами истерии» и особенно – «Толкованием сновидений». В любом случае и письма, и публикации Юнга показывают внутренний конфликт между его восхищением, его желанием примкнуть к учению мэтра и силой собственных убеждений, подкрепляемых клиническим опытом и работой с психозами, в отличие от Фрейда, который больше занимался неврозами.

Например, свое письмо от 13.05.1907 г. (24J), после долгой дискуссии о динамике проекции при паранойе и при Dementia Praecox, о правильном употреблении терминов «ауто-эротизм» и «аутизм» (первый из которых часто использовался Фрейдом), Юнг заканчивает рассказом о шестилетней девочке, находящейся у него на лечении (в начальном периоде появления подавленных воспоминаний). Ему не удастся, несмотря на «хороший глубокий гипноз», выявить реальную сексуальную травму. «Откуда ребенку известны все эти сексуальные истории?» – спрашивает он. Таким образом, фрейдистская теория обольщения терпит фиаско, и в то же время незнакомый таинственный внутренний голос говорит Юнгу о возможности существования некоего врожденного знания.

Следующие 1908–1909 годы богаты важнейшими личными событиями. В конце 1908 года, после двух дочерей, рождается его третий ребенок – сын Франц-Карл. «Жалко, что мы не крестьяне», – пишет он Фрейду 3 декабря 1908 г. (117J), «а то я мог бы сказать, что теперь я могу покинуть этот мир в полном спокойствии, так как у меня есть сын».

Фрейд отвечает ему уже 11 декабря (118F), принося свои поздравления в связи с новой карьерой, открывающейся перед Юнгом. «Вы скоро поймете, какое это благословение – не иметь начальника над собой». Какое странное смешение предвидения и слепоты: действительно, Юнг покидает Блейлера и Бургхёльцли, чтобы поселиться «в городе» Куснахте. Фрейд продолжает: «слияние социального освобождения, рождения сына и работы над комплексом отца, мне кажется, указывает, что вы – на перекрестке вашей жизни и двигаетесь в правильном направлении».

В этом же письме Фрейд первый раз упоминает «ядерный комплекс невроза», то есть эдипов комплекс, замеченный им при наблюдении маленького Герберта, ребенка из его окружения, к которому он тепло относился и считал «кем-то вроде внучатого племянника». Эти наблюдения и размышления конкретизировались в «Анализ фобии у мальчика пяти лет»: знаменитом анализе маленького Ганса.

Юнг продолжает обмен мнениями на эту тему, и в письме от 19.01.1909 г. (126J) приводит реакцию и вопросы своей старшей дочери по поводу рождения Франца-Карла. «Моя Агатли вносит свой вклад...» Здесь начинается диалог с той, которая станет «маленькой Анной» в работах своего отца.

Этому заявлению предшествуют очень точные заметки Юнга по клиническому наблюдению грудных детей. Он описывает здесь «эти так называемые детские гримасы, эти маленькие обмороки с легкой эклампсией во время и после сосания». Это едва начинающаяся конвульсия, иногда с закатыванием глазок вверх, и легкое подрагивание подбородка. «Впечатление – что это оргазм сосания», – комментирует он. Затем дает описание мимики, появляющейся в первые месяцы жизни, которая вырабатывается из этих «детских рефлекторных судорог». Нойманн в «Ребенке» также опишет «пищевой оргазм», демонстрацию сытости и благополучия после сосания, приносящего удовольствие и символизирующий обмен любовью.

Таким образом, материал для первых работ о детстве был почерпнут из:

– лабораторных работ, а также из его личного и клинического опыта (появились комментарии, сопровождающие его этюд «семейной констелляции», а также первая версия «Значение отца в судьбе отдельного человека»);

– из наблюдения за старшей дочерью и собственного опыта отцовства: «Конфликты детской души»;

- из опыта эксперта-психиатра психоаналитической ориентации: «Слухи»;
- из супервизий и работ своих учеников: «Психоанализ ребенка», который будет иллюстрировать его работу «Попытка представить теорию психоанализа».

В статистическом исследовании своей ученицы доктора Эммы Фюрст в «Семейной констелляции»⁵, где сравниваются реакции разных членов семьи на слова-стимулы, Юнг особо отмечает два клинических случая. Первый описывает аналогичные реакции сорокапятилетней матери и ее шестнадцатилетней дочери, и создается впечатление, что девушка заражена материнским восприятием жизни. Второй случай – молодая женщина разрушает свой брак, который мог бы быть счастливым, из-за гипнотической привязанности к отцу – властному и психически неуравновешенному. Вот как Юнг развивает эту тему:

«Мать передает своему ребенку не постулаты морали, не прописные истины, которые формировали бы характер ребенка в процессе развития; решающее влияние оказывают личные аффективные состояния и бессознательное родителей и учителей. Скрытые конфликты родителей и тайные переживания, подавленные желания, все это влияет на эмоциональное состояние ребенка (...), которое мягко, но уверенно, хотя и неосознанно, проникает в его душу»⁶.

Несмотря на то, что Юнг пока еще не употреблял этого термина, он описывает здесь действие *родительского комплекса* с идео-аффективными сознательными и бессознательными составляющими, которые характеризуют отношение к родителям и учителям. Комплекс Матери, комплекс Отца, Родительский комплекс организуются вокруг человеческой личности и ее отношений с окружающими. Межличностные взаимодействия определяют отношение к матери, к отцу, к родительской паре и окружению. Эта организация, в свою очередь, влияет на поведение ребенка, который вынужден реагировать и адаптироваться к окружающему миру тем же способом, что и его родители. Но в пубертатный период все может измениться.

«Отсюда депрессии периода полового созревания, частые и глубокие, симптомы трудностей в выработке новой модели поведения»⁷.

Здесь намечается *теория невротозов*, которую Юнг ясно выразит позднее: невозможность вынести *переживаемый конфликт*, вытекающий из новых требований жизни, с которыми сталкивается субъект.

В заключение статьи ставится следующий вопрос:

«Самая важная цель воспитания подрастающего ребенка, кажется, – освободить его от бессознательной привязанности к воздействию его первого окружения таким образом, чтобы он мог взять оттуда все ценное и отбросить все ненужное»⁸.

Напомнив о только что опубликованном наблюдении Фрейда за маленьким Гансом, Юнг делает вывод:

«Наше знание о тонкостях детской души настолько неадекватно, что сложно сказать, чья это ошибка – родителей, ребенка или окружения»⁹.

На протяжении более двадцати лет детские специалисты стараются осознать процесс с помощью понятий интеракции (взаимная реакция двух феноменов) и систем. Это не «ошибка», а реакции друг на друга.

Забегая немного вперед, мы должны констатировать, что именно благодаря понятиям *комплекс* и *имаго*, выработанным в эти годы, Юнг смог сам себе это объяснить. *Юнгианская*

психология комплексов, действительно, выявляет в динамической перспективе способ построения Я, которое достигает восприятия и осознания других и всего мира благодаря многоуровневой системе, каковыми являются комплексы. И это не противоречит отсутствию всякой организации при психозе. Что касается *родительских имago*, в них отражается то, каким образом воспринимаются и признаются как таковые отец, мать и их заместители с помощью основных схем внутреннего психического поля ребенка. Позднее это разовьется в понятие *архетип*, выработанное в 1914–1919 годах.

Но сейчас мы с вами все еще в 1909 году. Основываясь на исследованиях словесных ассоциаций доктором Эммой Фюрст, Юнг пишет работу «Значение отца в судьбе отдельного человека»¹⁰, на этот раз обратив особое внимание на влияние отца. Первая версия появляется в 1910 г. в первом томе Ежегодника психоанализа и психопатологических исследований (*Jahrbuch für psycho-analytische und psycho-pathologische Forschungen*)¹¹, который издавался под руководством Блейлера и Фрейда. Юнг был главным редактором. Именно здесь мы находим первые формулировки, касающиеся архетипов, которые появятся после переработки текста в третьем издании в 1948 г. В 1926 году в предисловии ко второму изданию, представляя неизменный текст, Юнг заметил:

«корни души и судьбы простираются гораздо дальше “семейного романа”, и не только дети, но и родители являются ветками одного большого дерева»¹².

Позднее он будет настаивать, что его работа над материнским комплексом, описанным в «Метаморфозах и символах либидо», ставит на один уровень роль матери и роль отца, у Фрейда же роль последнего преобладает.

«Случаю угодно, чтобы они (отец и мать) были первыми человеческими существами, которые передают чувствительности ребенка мощные и смутные законы, (...) вовсе не (...) выдуманные разумом людей, но силы и законы природы, во власти которых человек как будто подвешен за веревочку»¹³.

Как бы то ни было, какова же собственная точка зрения Юнга на лабораторное исследование, проведенное его ученицей Эммой Фюрст в 1909 году? Изучив ее клинические случаи и учитывая свой клинический опыт, Юнг расширяет понятие *регрессия либидо* до «инфантильного канала» (старое русло реки). Он говорит о либидо, которое

«ведет к тому, что снова оживают давным-давно забытые сновидения времен детства (...) если такой разочарованный человек сверх того и невротик, то он идет еще дальше назад, он возвращается к тем своим связям времен детства, которых он никогда не покидал совсем и целиком и к которым и нормальный человек привязан столькими нитями: к отношениям с отцом и матерью»¹⁴.

Он настаивает:

«Каждый сколько-нибудь основательно проведенный психоанализ обнаруживает более-менее ясно эту регрессию»¹⁵.

Как и в предыдущей статье, Юнг напоминает, что

«исконная причина инфантильного приспособления к родителям лежит, конечно, в аффективном отношении обеих сторон, то есть в психосексуальности родителей, с одной стороны, и ребенка, с другой. Это

своего рода психическая зараза, а мы знаем, что движущие пружины такой заразы – не истины логики, а аффекты и их телесные проявления»¹⁶.

Юнг констатирует, что в возрасте от одного до пяти лет появляются

«борьба инфантильной констелляции и индивидуальности, родительское влияние, связанное с доисторическим (детским. – *ДЛ.*) периодом, вытесняется, попадает в бессознательное, вместе с тем оно не элиминируется, но с помощью невидимых нитей управляет индивидуальными (как это кажется) творениями созревающего духа»¹⁷.

Английское издание демонстрирует нам более ранний очень интересный вариант: в первой версии Юнг не использует слово «конфликт» – понятие, принадлежащее исключительно юнгианской терминологии, – а говорит о «борьбе между вытеснением и либидо». Фрейдистское понятие «вытеснение» не устраивало Юнга. Конфликт относит нас к областям более широким, чем просто подавленное сексуальное либидо, он требует адаптации, превосходящей силы субъекта, который при столкновении с такими серьезными трудностями регрессирует.

Юнг приводит в качестве примера клинический случай мальчика восьми лет, которого родители привели на консультацию. Ему снятся ночные кошмары – черная змея и злой черный человек, стремящийся убить мальчика или его мать, находящуюся в соседней комнате. Мальчик, конечно же, страдает ночным энурезом, который является поводом позвать мать. В 1909 г. Юнг интерпретирует это состояние мальчика как начавшуюся под давлением полового созревания

«борьбу между его инфантильным отношением и растущим сознанием. Родительское влияние, которое является для ребенка доисторической эпохой (инфантильной), вытесняется и попадает в бессознательное, но вместе с тем оно не исключается, а с помощью невидимых нитей управляет, казалось бы, индивидуальными творениями созревающего духа»¹⁸.

В своей интерпретации 1948 года он идет дальше, появляется термин «архетип».

«Ребенок наследует систему отношений, которая предвосхищает появление родителей и возможность их действия (...) за отцом стоит архетип Отца (...) и секрет родительской власти»¹⁹.

Работа «Конфликты детской души»²⁰, напротив, никогда не пересматривалась и не исправлялась. Это был доклад на одной из конференций в университете Кларка (Ворчестер, штат Массачусетс) во время первого путешествия Юнга вместе с Фрейдом и Ференци в Америку в сентябре 1909 г. От Петера Гея мы узнаем о том, что Юнг рассказал «о психологии ребенка и опыте вербальных ассоциаций». В июне 1915 г. в предисловии к четвертому изданию Юнг отмечает²¹, что он оставил этот доклад неизменным «верстовым столбом», хотя некоторые его воззрения, конечно, изменились. Это сочинение – продукт, который нельзя отделить от времени и условий его возникновения. Мне кажется, что для него этот маленький труд, прелюдия к «Метаморфозам и символам либидо», был результатом свободных и уважительных отношений между родителями и детьми. В работе речь идет о двух сестрах, но героиней является старшая, которую Юнг называет – случайность ли это? – Анной. Так же звали и дочь Фрейда, которой на тот момент было четырнадцать лет.

Начиная с трех лет, «Анна» посредством слов и, если их не хватает, действий задает те главные человеческие вопросы, которые появляются в этом возрасте. Они касаются жизни, смерти и того, откуда мы пришли? куда мы идем? На своем жизненном пути она поневоле сталкивается с сексуальностью. Это как серия мгновенных снимков, которую Юнг предоставляет нам и которая позволяет судить о постоянной работе, происходящей внутри девочки. «Анна»,

когда ей это нужно, противопоставляет свои теории и мнение взрослых, откуда и происходит конфликт между мифом и принципом реальности.

Сначала Анна напрямик задает вопрос бабушке о том, как стареют и умирают люди. Это тот год, когда мать беременна братиком, чего она, кажется, абсолютно не замечает, хотя однажды задает вопрос, не получит ли она «живую куклу, младенца». Ответ бабушки: «Потом я буду ангелом», – полностью удовлетворяет Анну, такое решение «зараз убивает двух зайцев»²². В ее расследовании по поводу появления детей взрослые, забавляясь, отвечали ей, что аист приносит детей с неба, где они были ангелами. В глубине ее души уже живет миф о реинкарнации, который убаюкивает тревоги и переживания девочки.

Но в то утро, когда отец ласково будит ее, чтобы сообщить о рождении маленького Фрица, этот мир уже не успокаивает девочку. Ей четыре года. Он сажает ее к себе на колени и спрашивает, обрадует ли ее появление маленького брата. «Я бы его убила», – резко реагирует она. Позднее Юнг объясняет:

«Выражение “убить” выглядит очень опасным, но оно, в сущности говоря, совершенно невинно, потому что “убить” и “умереть” в детском смысле означает лишь удаление (пассивное или активное)»²³.

Это объяснение касается также и девочки-подростка, которая мечтает о смерти своей матери, чтобы стать «маленькой супругой» своего отца. Что касается меня, я менее лирична: *порыв убить* – это нечто, что проживается в глубине человеческого существа, это порыв, который должен гуманизироваться в подростковый период, в период оживления и подготовки перехода к действию. Юнг резюмирует этот инцидент:

«“убить” в устах ребенка – вещь невинная, особенно если знать, что малышка употребляет слово “убить” совершенно *promiscue* (без разбору – лат.) для всевозможных видов разрушения, удаления, уничтожения и т. д. Но все же тенденция, которая здесь выявляется, заслуживает внимания (см. анализ “маленького Ганса”)»²⁴.

Этот миф цикла жизнь-смерть беспокоит Анну в связи с ее матерью, а родители, со своей стороны, очень удивлены и озабочены некоей стесненностью Анны, когда она входит в комнату недавно родившей матери: показное безразличие к младенцу и исключительная сдержанность по отношению к матери. В общем, в этой новой ситуации она проявляет осторожность. Юнг сожалеет, что пребывание у бабушки, любящей рассказывать о том, как детей приносит аист, оставляет миф без объективного элемента.

После возвращения Анна испытывает желание, как это обычно бывает, заботиться о новорожденном, быть ему маленькой матерью. Это делает ее ревнивой и агрессивной по отношению к няне, которая заботится о новорожденном, а недоверие к матери по-прежнему остается. Анна начинает играть в няню со своими куклами: хороший способ овладеть ситуацией. В период интенсивного погружения в себя она прячется под столом, чтобы рассказывать себе истории. Это «мечтательное и лирическое состояние» часто возникает, как указывает Юнг,

«именно в то время, когда человек (в юношеском возрасте) склоняется к тому, чтобы разорвать узы семьи и самостоятельно вступить в жизнь, но внутренне он все еще осторожничает и удерживается ностальгическим чувством по теплу родительского стойла»²⁵.

Итак, сейчас Анна оплакивает утрату определенных отношений с родителями, особенно с матерью. Не характерное для нее непослушание показывает, что она ищет свое новое место «в аффективных отношениях с матерью»²⁶.

«К детям обычно прислушиваются очень мало и обращаются с ними (на всех возрастных ступенях) во всех существенных вопросах как с невменяемыми, но во всем несущественном их дрессируют до автоматического совершенства. За сопротивлением всегда лежит какой-то вопрос, какой-то конфликт, и мы знаем об этом в другое время и при других обстоятельствах. Но мы обычно забываем увязать услышанное с сопротивлением»²⁷.

Что касается интроверсии, то, несмотря на то, что пока еще Юнг воспринимает ее скорее как психиатр, а не аналитик, имеется две страницы, где он набрасывает то, что будет основным стержнем его теории²⁸ метаморфозы либидо и вытеснит его фрейдистские воззрения о вытеснении.

В 1912 году он опубликует книгу «Метаморфозы и символы либидо»²⁹, которая станет причиной его разрыва с Фрейдом.

Но вернемся к Анне. Каков же конфликт, запускающий этот мотивирующий механизм, который, по моему мнению, является скорее ассимиляцией, чем защитой?

Анна все еще стремится узнать, откуда появляются дети и как ее мать, а не няня, смогла заиметь ребенка, и что, если однажды она?.. В какой-то момент мадам Юнг вдруг инстинктивно поняла: она может рассказать дочери, что, когда она была маленькой, ей тоже хотелось быть няней, но потом она стала мамой: «вот я и должна воспитывать детей». Юнг добавляет:

«Ответ матери опять показывает, куда, собственно, метит ребенок»³⁰.

Далее следует длинный отрывок, в котором Юнг признает, что величайшая заслуга Фрейда в области психологии состоит в его утверждении о том, что мотивы поведения лежат далеко за пределами сознательного.

«В качестве критерия для психологии поступков Фрейд установил не сознательные мотивы, а *результат* (последний, однако, не в его физическом, а в психологическом смысле). Это понимание позволяет увидеть поступок в каком-то новом, биологически значимом свете»³¹.

Для Юнга это первый шаг в поисках *смысла*, а не причины, этот подход становится для него все более и более характерным. Гумберт формулирует этот подход в виде вопроса: «Зачем это нужно?»

Как бы то ни было, разговоры Анны с матерью только усилили ее интерес к вопросу о том, как у мамы появляются дети. Отсутствие прямого ответа на ее явно не выраженные вопросы, заданные исподволь, только еще раз убеждают ее, что родители лгут и здесь есть какая-то волнующая тайна. Анна прибегает к уже использованному способу регрессивной защиты:

«Поэтому чувство обращается к другой компенсации, а именно к оставленным уже инфантильным формам принуждения к любви, из которых самым излюбленным является ночной рев и призывание матери»³².

В это время происходит землетрясение в Мессине, оно становится темой беседы за семейным столом, которая вызывает интерес у Анны и помогает обосновать ей свою тревогу: «Дом скоро рухнет». Это становится настоящим ночным кошмаром, и в то же время днем ребенок проявляет высокую интеллектуальную активность, изучая родительские книги о вулканах и землетрясениях. Комментарий Юнга:

«Здесь перед нами очень энергичная попытка сублимации страха во “влечение к науке”, однако это совершенно преждевременно (...) поощрение сублимации в этом возрасте ведет только к закреплению

элементов невроза. Корнем научного влечения является страх, а страх – это выражение *конвертированного либидо*, т. е. *интроверсии*, ставшей теперь *невропатической*»³³,

которая может только помешать развитию. Юнг советует своей жене дать Анне необходимые объяснения. Этот разговор происходит в присутствии ее младшей сестры, у которой это вызывает скорее непристойный интерес. Так сестры узнают, что ребенок развивается как растение в животе у матери, потом выходит оттуда сам. Но через какое отверстие? Через рот или другой выход? Прямой вопрос не был задан, и внутренняя работа происходит в молчании. Слишком большое любопытство маленькой сестры к отверстиям в нижней части тела было пресечено запретом матери говорить об этом – по крайней мере, за столом.

«Тогда-то она в первый раз и узнала о существовании исключительных законов для этих частей тела и, как впечатлительный ребенок, вскоре поняла, что там находится какое-то “табу”. Поэтому эту область следует исключить из расчетов...»³⁴.

Юнг понимает, что Анна слишком покорно реагировала на родительский запрет, в то время как ее младшая сестра не скрывала своего негативизма; но если Анна ничего не говорит, это не означает, что она меньше думает об этом. Вопрос о выходном отверстии отложен на время, а вот роль отца, старательно замаскированного под *большого брата*, очень интересует сестер, каждую по-своему:

«у него дом (...) и он не рушится (...) он все знает, все может и все имеет, он ходит туда, куда дети не могут пойти (...), ему позволяют делать все то, что дети делать не смеют (...) он обладает большими животными: коровами, овцами, лошадьми и собаками»³⁵.

Это «примитивное определение божественности», объясняет Юнг, в своей основе имеет отца, который определяется девочками, из-за их незнания других вариантов, на роль старшего маминого брата. Сегодня я охотно поговорила бы о первом появлении фигуры Анимуса – представляющей маскулинность женщины, которая действительно опирается на образ отца и несет в себе защиту, знание и признание девочки как личности.

«Тем самым реализуется важное для ребенка желание: *землетрясение уже не опасно*. Поэтому страх и фобия должны отпасть, и вот они проходят. С этого момента боязнь землетрясений совершенно исчезла»³⁶,

и вместе с нею исчез интерес к научным знаниям. Но, как и всем детям ее возраста, Анне необходимо обобщать все получаемые знания и она задает одни и те же вопросы разным людям. «Неужели все рождаются из тела матери?» Получая многочисленные подтверждения, Анна перестает сомневаться, хотя несвоевременная простуда, заставившая Юнга оставаться в постели, чуть не спровоцировала появление прежних сомнений. Категорическое утверждение отца: «мужчины не рожают детей, а только женщины»³⁷ – кажется, убедило ее полностью, но вызвало новый вопрос: «Что может делать отец? Для чего он нужен?» С другой стороны, рассказанный Анной сон раскрывает ее упорный интерес к способу появления ребенка.

«Сегодня ночью мне приснился Ноев Ковчег, и внутри там было много зверушек, и внизу там была крышечка, которая открывается, и зверушки вываливаются»³⁸.

Тонкий намек на то, что она точно знает, что дети выходят из живота матери через нижнюю часть ее тела, говорит Юнг.

Следующий сон затрагивает другую проблему:

«Я видела во сне маму и папу, они долго были в кабинете, и дети были там же»³⁹,

иначе говоря: «Что же вы можете там делать вдвоем, когда нас там нет?» Юнг обращает наше внимание на то, что место происхождения во сне – библиотека – место получения знаний, там Анна пыталась успокоить свои волнения по поводу землетрясения. Но давление настолько сильно, что ночные кошмары появляются снова; во время одного из них Анна пылко рассказывает матери:

«Я хочу увидеть весну, как на лугу распускаются цветочки... я хочу сейчас посмотреть на Фрицика, у него такое милое личико; что делает папа? Что он говорит?»⁴⁰.

Это важнейший вопрос, на который мадам Юнг по сути не отвечает. Утром Анна просто рассказывает свой сон:

«Мне приснилось, что я могу делать лето; потом кто-то спустил Полишинеля в ватерклозет»⁴¹.

Анна хочет родить ребенка, предполагает Юнг, соединяя свои интерпретации сна и наблюдение за поведением дочерей: они играют в беременных с подушкой под юбкой. Эта гипотеза подтвердилась маленькой сценкой, однажды сыгранной Анной перед матерью:

«она засунула себе под юбку куклу, потом медленно ее вытащила, головой вниз, приговаривая: “Смотри, вот сейчас появится ребеночек, он уже совсем вышел”»⁴².

Утверждение и одновременно просьба подтвердить правильность ее интерпретации родов.

Бессознательное продолжает свою работу. Следующий пункт: как ребенок попал в мать? Юнг рассказывает:

«Как-то раз на десерт были апельсины, и Анна, нетерпеливо глядя на один из них, сказала: “Я хочу его проглотить целиком, чтобы он попал в самый низ моего живота, и тогда у меня будет ребенок”»⁴³.

Юнг проводит интересную параллель со сказками и наводит нас на мысль об архаических оральных желаниях.

«Решение приходит в форме *аллегорий*, которые вообще свойственны архаичному мышлению ребенка»⁴⁴.

В это время «символ» для Юнга, как ученика Фрейда, имеет слегка пренебрежительный оттенок из-за использования его для обозначения мысли, называемой архаичной. Но в любом случае *размышление о мифе* смягчает пренебрежение и намечает одно из главных направлений поиска.

«Сказки, как представляется, это мифы детей и потому содержат в себе, помимо всего прочего, и мифологию, которая складывается у ребенка по поводу сексуальных процессов»⁴⁵.

То, что Юнг уделяет этому много внимания, свидетельствует о важности для него этой темы.

«Сказать, что сказка – это миф ребенка, означает дать слишком краткое определение. В действительности миф передается ребенку от матери, являющейся его хранительницей...»⁴⁶.

Работа бессознательного приводит Анну к тому, что она хочет понять роль отца. Юнг рассказывает эпизод, когда, войдя в комнату родителей, занятых своим туалетом, она

«прыгнула в кровать отца, улеглась на живот и стала сучить ногами.

При этом она кричала: “Правда, так делает папа?”»⁴⁷

Родители смеялись, но не отвечали. Юнг пишет, что довольно редко в четыре с половиной года ребенок идет дальше этого, так как

«ребенок ничего не знает о сперме и о половом акте. Возможно единственное объяснение: мать должна что-то съесть, потому что только так что-то может войти в ее тело»⁴⁸.

Через пять месяцев передышки вопросы бессознательного концентрируются вокруг мужчины. Анна выросла, изменилась. В ее отношении к отцу появился некий страх, возникла иная тональность:

«(...) ее интерес к отцу принял особый оттенок, который с трудом поддается описанию. В языке недостает слов, чтобы передать совершенно особый вид нежного любопытства, которое светилось в глазах ребенка»⁴⁹.

В то же время Анна с сестрой оставляют на ночь свои большие куклы, окрещенные в данном случае «бабушками», в домике в глубине сада.

«Кажется весьма вероятным, что бабушка просто замещает мать. Таким образом, малышка уже приступает к тому, чтобы убрать мать»⁵⁰,

и доходит даже до того, что говорит своей сестре: «Когда мама умрет, мы будем делать то, что захотим».

Отцу она задает вопрос, который ставит его в тупик: «Скажи, как глаза росли в голову?» Отец прекрасно видит, к чему она клонит, и пытается уклониться, но Анна настаивает:

«Но как же тогда Фрицик вошел в маму? И где он тогда вышел наружу?
(...) Его вставили (посадили)? Значит, посадили семечко?»⁵¹

Тогда Юнг прибегает к теории семени, которую Анна сама создала, наблюдая за садовником, сеющим семена и возделывающим лужайку в саду.

«Он объяснил ребенку, который слушал его с величайшим вниманием, что мать – как земля, а отец – как садовник. Отец дает семена, и они растут в матери, и так появляется ребеночек. Этот ответ удовлетворил ее в высшей степени, она тотчас же бросилась к матери с криком: “Папа мне все рассказал; я теперь знаю все!” Однако что такое это “все” – она никому не сказала»⁵².

На следующий день Анна хочет поддразнить мать, утверждая, что отец ей говорил об ангелах и аисте. Но мать не попадает в эту ловушку: «Этого папа тебе, конечно же, не мог сказать», – отец и мать полностью единомышленны. Я считаю, что это *единение родителей* – главное в безопасности ребенка, а Юнг отмечает:

«Но куда большим преимуществом было то обстоятельство, что она получила доступ к более интимному отношению с отцом, и это отношение нисколько не угнетало ее интеллектуальную независимость. Отец, разумеется, был не спокоен, ему было не по себе при мысли, что он выдал тайну ребенку в

возрасте четырех с половиной лет, тайну, которую другие родители тщательно скрывают»⁵³.

Между тем, история о садовнике была красивой, полной поэзии и давала возможность родителям не вдаваться в физиологические подробности. Что же касается бессознательного, то оно продолжало свой путь, отмеченный в течение нескольких недель двумя снами – трудными, по мнению Юнга, для интерпретации, несмотря на его понимание конечной цели снов:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.